

DOI 10.37386/2305-4077-2022-2-187-195

М. В. Воронец¹*Алтайский государственный педагогический университет***Н. Н. Шпильная²***Алтайский государственный педагогический университет*

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ОТВЕТНЫХ РЕПЛИК «РАЗВЕ?» И «НЕУЖЕЛИ?»³

Статья посвящена анализу речевых формул «Разве?» и «Неужели?», способных выступать в качестве самостоятельных ответных реплик. Использование обеих формул позволяет реализоваться интенции поддержания разговора, однако выбор конкретной реплики должен быть обусловлен разными прагматическими смыслами, выражаемыми ими. Для определения этих смыслов был проведён анализ соответствующих контекстов употребления, выбранных из Национального корпуса русского языка.

Ключевые слова: ответная реплика, коммуникативы, речевые формулы, сомнение, удивление, интенция поддержания разговора

M. V. Voronets*Altai State Pedagogical University***N. N. Shpilnaya***Altai State Pedagogical University*

ASPECTS OF THE FUNCTIONING OF THE RESPONSE CUES "РАЗВЕ?" AND "НЕУЖЕЛИ?"

The paper is dedicated to the analysis of speech formulas «Разве?» и «Неужели?» which could be acted as separate response cues. The use of both formulas allows the intentions of maintaining a conversation to be realized, however, the choice of a specific cue should be determined by the different pragmatic meanings. To determine these meanings we have analyzed relevant contexts, selected from the National Corpus of the Russian Language.

Keywords: response cue, communicatives, speech formulas, doubt, surprise, intention of maintaining a conversation

Данная статья вписывается в русло лингвистики реплицирования, предметом изучения которой является генезис ответной реплики в диалоге [Шпильная, 2021]. Изучение проблемы возникновения ответных реплик в настоящее время связывается с описанием интенций реплицирования, детерминирующих появле-

¹ Мария Владимировна Воронец – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания Алтайского государственного педагогического университета, voronets.10.02.01@gmail.com

² Надежда Николаевна Шпильная – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры общего и русского языкознания Алтайского государственного педагогического университета, venata85@mail.ru

³ Статья выполнена при поддержке гранта Президента РФ для молодых ученых – докторов наук МД-3824.2021.2.

ние соответствующих высказываний. Однако описать интенции говорящего не значит решить проблему генезиса ответной реплики. Нам представляется, что дальнейшие исследования в этой сфере предполагают изучение прагматических оттенков ответных реплик, на основе анализа которых (оттенков) можно сделать вывод о зависимости интенций реплицирования от прагматических смыслов, выражаемых говорящим. В связи с этим перспективным направлением может стать анализ ответных реплик, формально совпадающих с нечленными предложениями и квалифицируемых в лингвистике в качестве коммуникативов [см., например, Шаронов, 2017], или речевых формул [см., например, Акишина, 2016].

Речевые формулы обслуживают типовые коммуникативные ситуации, обеспечивая этикетное поведение в них. В связи с этим их можно подразделить на группы, например, «приветствие», «приглашение», «побуждение к действию» [см., например, Акишина, 2016, с. 3]. Особую роль в коммуникации играют речевые формулы, реализующиеся в ответных репликах, возникающих лишь как реакция на некое высказывание / действие собеседника. К ним можно отнести, например, «благодарность», «согласие и отказ в ответ на просьбу и приглашение», «согласие и несогласие с мнением собеседника» [см. там же]. Следует отметить, что эти формулы ожидаются автором инициальной реплики (далее коммуникантом-1), и их игнорирование коммуникантом-2 может расцениваться как нарушение этикета и приводить к коммуникативной неудаче.

Однако в русском языке есть коммуникативы, появление которых не задано инициальной репликой. Диалог совсем не похож на шахматную партию, в которой оппоненты обмениваются ходами, строго соблюдая очередность. Решение присоединиться к разговору, выразить своё отношение к сообщаемому и т.д. может быть реализовано вторым коммуникантом в любой момент разговора, хоть эти возможности по-прежнему ограничиваются нормами этикета.

Отдельную группу среди подобных формул составляют реплики выражения сомнения / удивления, являющиеся ответом на спорное для коммуниканта-2 высказывание коммуниканта-1 (Т.Н. Колокольцева описывает их функцию как выражение несоответствия чего-либо ожиданиям говорящего – см. [Колокольцева, 2001, с. 112]). У этих реплик принципиально иная модальность по сравнению с репликами несогласия, так как коммуникант-2 пока не готов оспорить высказанную точку зрения, но выражает удивление от сказанного. Впоследствии он может как прибегнуть к выражению несогласия, так и, напротив, признать правоту собеседника. Таким образом, подобные реплики, по-видимому, в первую очередь реализуют интенцию поддержания разговора, которая проявляется в стремлении коммуниканта-2 присоединиться к разговору и оценить сообщаемую коммуникантом-1 информацию.

Предметом анализа в статье является описание прагматических смыслов, выражаемых при употреблении ответных реплик «Разве?» и «Неужели?». Обе реплики в полной мере позволяют реализоваться интенции поддержания разговора, однако, по-видимому, выбор конкретной реплики зависит от отноше-

ния говорящего к сообщаемой информации и других прагматических факторов. В какой-то степени можно говорить о том, что вербальная реализация интенции поддержания разговора и шире – интенций реплицирования – детерминирована той прагматической позицией, в которой оказывается ответная реплика на этапе ее оязыковления.

Коммуникативные возможности рассматриваемых реплик так или иначе должны быть связаны со значениями образующих их частиц, неоднократно сравнивавшихся в научной и методической литературе. Так, в учебнике по русскому языку как иностранному «Окно в Россию» читаем, что частица «разве» «акцентирует возражение / сомнение (несоответствие сообщаемой информации тому, что известно слушающему)» [Скорыходов, 2017, с. 24], а «неужели» «эмоционально выражает оценку сообщаемой информации как невероятной» [Там же].

В Интернете можно встретить и более категоричное разграничение значений «разве» и «неужели». На основании сравнения предложений «Разве он женился?» и «Неужели он женился?» частице «неужели» приписывается негативная коннотация, выражение неприятного удивления. Указывается, что такому разграничению учат и иностранных студентов (Великий и могучий: разве и неужели. – URL: <https://yablor.ru/blogs/velikiy-i-moguchiy-razve-i-neujeli/5387975>). Однако объективно во второй реплике можно констатировать только большую эмоциональность, но с такой же вероятностью это может быть радостное удивление.

Последовательный анализ употребления этих частиц, основанный на экспликации представлений говорящего о некоем фрагменте действительности, представлен, например, в работах Т.В. Булыгиной, А.Д. Шмелёва. Отмечается, что «неужели» указывает на малую априорную вероятность некоего положения с точки зрения говорящего, то есть полученная информация кажется говорящему невероятной, но в свете новых данных он начинает думать о её возможности [Шмелёв, 2015. – URL: https://www.dialog-21.ru/media/2777/dialogue-2015_voll.pdf]. Что касается частицы «разве», она отражает то, что раньше говорящий считал по-другому, но новая информация, как и в случае с «неужели», заставляет его задуматься [Там же]. Эти описания подтверждают найденные в Национальном корпусе русского языка (далее НКРЯ) контексты с русским переводом английских текстов [Там же].

Несмотря на приведённые различия, в словарях С.И. Ожегова, Т.Ф. Ефремовой частица «неужели» описывается через слово «разве» [Ожегов, 1989, с. 412, Ефремова, 2000а, с. 1033]. Впрочем, в приведённом в словаре С.И. Ожегова контексте «Неужели он согласился?» уже прослеживается значительная разница между «разве» и «неужели», которая проявляется и в функционировании этих частиц как ответных реплик, ведь в указанном примере «неужели» очевидно актуализирует удивление говорящего, но отнюдь не сомнение в достоверности поступившей информации, что выходит на первый план при замене на частицу «разве». В «Толковом словаре служебных частей речи русского языка» Т.Ф. Ефремова

более подробно описывает значения, которые приобретает «неужели» в тех или иных контекстах (именно в ответных репликах), указывая на выражение удивления, изумления, недоверия или неудовлетворения [Ефремова, 2004, с. 388]. Значение уверенного подтверждения, приведённое в обоих словарях, не относится к рассматриваемому выражению сомнения / удивления, зато интерес для исследования может представлять выражение иронического несогласия и отрицания, также реализующееся в ответных репликах [Там же]. В этом случае характерное для указанной частицы выражение сомнения / удивления не исчезает, как в предыдущем значении, скорее за счёт него и получается выразить отрицание. Что касается значений частицы «Разве?», то, согласно словарям, она позволяет реализовать как выражение недоверия, так и выражение удивления, неудовлетворения: *Разве он приехал?* [Ефремова, 2000b, с. 426] и даже резкого неодобрения: *Разве можно?* [Ожегов, 1989, с. 640]. Может эта частица выступать и в качестве неуверенной готовности: *Разве съездить?* [Там же], но и это значение выходит за рамки рассматриваемых функций, к тому же оно менее диалогично: его реализацию скорее можно представить в рассуждении, как бы разговоре с самим собой, нежели в диалоге.

Приведённые выше значения, достаточно противоречивы: так, «неужели» приписывается то негативная коннотация, то выражение оценки сообщаемой информации как невероятной (что, скорее всего, является частотным значением, но совсем не обязательным). Всё это затрудняет установление интенций говорящего, что особенно важно в контексте изучения русского языка как иностранного. Следует также отметить, что в научной и методической литературе меньше внимания уделяется употреблению «Разве?» и «Неужели?» в качестве самостоятельных ответных реплик, а не начала соответствующих вопросов. По этой причине коммуникативы могли наделяться смыслами, автоматически переносимыми со значений соответствующих частиц, что вряд ли отражает специфику их употребления (приобретение особого значения как свойство коммуникативов отмечала, например, Е. В. Какорина – см. [Какорина, 2019, с. 81]).

Вышесказанное создаёт потребность в более корректном, хоть, возможно, и менее чётком разграничении значений рассматриваемых формул. Таким образом, прикладная ценность исследования определяется возможностью использования его результатов в практике преподавания русского языка как иностранного и моделировании компьютерных приложений, предназначенных для имитирования диалогической коммуникации.

Можно предположить, что речевые формулы «Разве?» и «Неужели?» имеют более широкий круг употребления в реальной речи. Так, «Неужели» может выступать в роли связки во время диалога (ср. с английским словом «Really?», с помощью которого часто переводят «Неужели?» – см., например, [Формановская, 1992, с. 50]). В этих случаях сохраняется удивление (не всегда искреннее) услышанной информации, сомнение в ней, но необязательно эта информация расценивается как невероятная.

Для определения возможностей употребления «Разве?» и «Неужели?» в качестве ответных реплик проведём анализ контекстов из НКРЯ. Чтобы обнаружить только интересующие нас примеры, были указаны следующие условия поиска: начало и, одновременно, конец предложения. Таким образом, вся ответная реплика должна состоять из искомого слова. Кроме того, мы ограничились поиском текстов не ранее 2000 года создания, что позволит обратить внимание только на современное употребление.

Со словом «неужели» по заданным условиям найдено 119 контекстов. Несмотря на яркую диалогичность «неужели», не все обнаруженные контексты входят в диалогические единства.

При этом среди рассмотренных контекстов трудно найти хотя бы один, в котором функцию «неужели» однозначно можно было бы трактовать как оценку информации как невероятной. Скорее это просто эмоциональная реплика, выражающая разные степени удивления, как радостного, так и не очень: *Она уже дома. – Неужели? – От радости и волнения Алевтина Викторовна обмякла, ослабела, и Кате тоже пришлось тащить её до дома, как и бабуку, почти на себе; По моим сведениям, он показал себя там не вполне рыцарем. Деревни жег. – Неужели? – Увы!*

То, что озвученная коммуникантом-1 информация не обязательно неожиданна для коммуниканта-2, подтверждает, например, следующий контекст: *Кажется, теперь он находится в ссылке. – Неужели? Совсем позабыл!*, в котором коммуникант-2 хотя и удивляется полученной в данный момент информации, но, по сути, она не нова для него.

При этом в контекстах ещё более очевидной оказывается коммуникативная функция реплики «Неужели?», направленной на поддержание разговора: *– Я сейчас смотрю на тебя, ко мне пришло понимание, озарение, почему так хочется на тебя смотреть. – Неужели? – я приготавливаюсь слушать.* Очевидно, что в этом контексте не выражено какого-либо особого удивления, это реплика скорее является поощрением к дальнейшему объяснению.

Разнообразие значений, которые могут сопутствовать реплике «Неужели?», по-видимому, приводит к частому эксплицированию авторами выражаемой их персонажами эмоции: *– Никогда не случалось там бывать, – попутно солгал Леон на всякий случай. – Неужели? – весело удивилась хозяйка; Ради меня. – Неужели? – язвительно спросил Илья; – Его Тимом зовут. – Неужели? – засмеялась мама.* Авторы могут подчёркивать и безэмоциональность произнесённой реплики, что вновь актуализирует интенцию поддержания разговора, а не выражение удивления: *– В армии! – Неужели? – вяло поинтересовался писатель.*

Меньшими возможностями для выражения разнообразных значений обладает реплика «Разве?». В первую очередь это именно выражение сомнения и недоверия. В НКРЯ за указанный период найдено 74 контекста со словом «разве», составляющим отдельное предложение. В контекстах, включенных в диалогические единства, «Разве?» действительно выражает разные степени сомнения в ска-

занном коммуникантом-1, которые могут переходить как в признание собственной невнимательности / заблуждения, как бы обозначая неуверенность говорящего в своей точке зрения и возможность её поменять, так и в то или иное опровержение мнения собеседника: – *Маловата она вам, – сказала Ольга. – Разве? – Конечно; Да что о нём говорить, когда во всей фильме «Александр Невский» никто ни разу не перекрестился! – Разве? Я как-то не обратил...; – Ты сказал. – Разве? Значит, ты меня не так понял.* Потенциальная возможность смены точки зрения может быть маркирована в художественных текстах: *А радость вернётся!..» – «Разве?» – побоится она поверить этому сразу.* Как было сказано выше, реплика «Разве?» в первую очередь актуализирует значение сомнения, а не удивления, она подчёркивает несовпадение представлений коммуникантов и тем самым часто провоцирует дальнейшее развитие диалога, вынуждая говорящего чем-то подтвердить свою точку зрения (шире – о полемичности предложений со словом «разве» – см., например, [Белошапкина, 1983]). При этом в художественных текстах часто эксплицируется и удивление персонажа: – *В столе нет моих личных вещей, Лара. – Разве? – удивилась она.* Однако контекстов, в которых функция поддержания разговора присутствует вне чётко выраженного проявления удивления или сомнения, в НКРЯ не обнаружено (в частности не найдено контекстов с маркерами безразличия говорящего типа «вяло» или «разсеянно»).

Таким образом, обе реплики в первую очередь позволяют реализоваться интенции поддержания разговора. Решение поддержать разговор может быть как продуманной коммуникативной стратегией говорящего, побуждающей собеседника к более подробному освещению информации, так и неосознанным откликом, выражающим определённые эмоции. При этом выбор реплики «Разве?» или «Неужели?» является коммуникативно значимым, так как они не могут свободно заменять друг друга, не искажая смысла высказывания. Реплика «Разве?» более ориентирована на выражение сомнения, что обычно является сознательной реакцией, приглашающей собеседника к доказательству своей точки зрения. Тем самым актуализируется диктумная часть высказывания. Реплика «Неужели?» более эмоциональна, что выводит на первый план модусное содержание. Установить постоянные оттенки её значений, скорее всего, невозможно, так как они существенно меняются в зависимости от ситуации и контекста. Однако именно реплика «Неужели?» может актуализировать исключительно интенцию поддержания разговора без яркого выражения сомнения или удивления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Акишина, А. А. Этикетные выражения в русском языке: учебное пособие для иностранных учащихся / А. А. Акишина, Н. И. Формановская, Т. Е. Акишина. – Москва: Русский язык. Курсы, 2016. – 246 с.

Белошапкина, В. А. Равнозначны ли разве и неужели? / В. А. Белошапкина, Е. Б. Степанова // Русская речь. – 1983. – № 5. – С. 57–59.

Великий и могучий: разве и неужели. – URL: <https://yablor.ru/blogs/velikiy-i-moguchiy-razve-i-neujeli/5387975> (Дата обращения: 08.05.2022).

Ефремова, Т.Ф. Новый словарь русского языка: толково-словообразовательный: свыше 136 000 словарных статей, около 250 000 семантических единиц. Т. 1. А – О / Т.Ф. Ефремова. – Москва: Русский язык, 2000а. – 1210 с. – (Библиотека словарей русского языка).

Ефремова, Т.Ф. Новый словарь русского языка: толково-словообразовательный: свыше 136 000 словарных статей, около 250 000 семантических единиц. Т. 2. П – Я / Т.Ф. Ефремова. – Москва: Русский язык, 2000. – 1084 с. – (Библиотека словарей русского языка).

Ефремова, Т.Ф. Толковый словарь служебных частей речи русского языка: около 15 000 словарных статей, около 22 000 семантических единиц / Т.Ф. Ефремова. – 2-е изд., испр. – Москва: Астрель: АСТ, 2004. – 815 с.

Какорина, Е.В. Проблемы фиксации и лексикографического описания коммуникативов (на материале работы над «Толковым словарем русской разговорной речи» (ТСПР)) / Е.В. Какорина // Труды института русского языка им. В.В. Виноградова. – 2019. – № 20. – С. 76–101. – URL: <https://www.ruslang.ru/doc/trudy/vol20/Kakorina.pdf> (Дата обращения: 08.05.2022).

Колокольцева, Т.Н. Специфические коммуникативные единицы диалогической речи / Т.Н. Колокольцева. – Волгоград: Изд-во Волгоградского госуниверситета, 2001. – 260 с.

Национальный корпус русского языка. – URL: <https://ruscorpora.ru> (Дата обращения: 08.05.2022).

Ожегов, С.И. Словарь русского языка: 70000 / С.И. Ожегов; под ред. Н.Ю. Шведовой. – 21-е изд., перераб и доп. – Москва: Русский язык, 1989. – 924 с.

Скорыходов, Л.Ю. Окно в Россию: учебное пособие по русскому языку как иностранному для продвинутого этапа: в 2 ч. Ч. 2. – 5-е изд. / Л.Ю. Скорыходов, О.В. Хорохордина. – Санкт-Петербург: Златоуст, 2017. – 264 с.

Формановская, Н.И. Речевой этикет. Русско-английские соответствия: Справочник. 2-е изд., испр. / Н.И. Формановская, С.В. Шевцова. – Москва: Высшая школа, 1992. – 80 с.

Шаронов, И.А. Коммуникативы в естественных и в художественных диалогах / И.А. Шаронов // Экология языка и коммуникативная практика. – 2017. – № 3. – С. 114–127. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_32331397_96229989.pdf (Дата обращения: 08.05.2022).

Шмелёв, А.Д. Русские лингвоспецифичные лексические единицы в параллельных корпусах: возможности исследования и «подводные камни» / А.Д. Шмелёв // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции «Диалог» (Москва, 2730 мая 2015 г.): в 2 т. 2015. Вып. 14 (21). Т. 2. – С. 584–595. – URL: https://www.dialog-21.ru/media/2777/dialogue-2015_vol1.pdf (Дата обращения: 08.05.2022).

Шпильная, Н. Н. Диалогическая лингвистика в России: история становления и современное состояние / Н. Н. Шпильная // Культура и текст. – 2021. – № 1. – С. 159–173. – URL: <https://journal-altspu.ru/wp-content/uploads/2021/02/159–173.pdf> (Дата обращения: 08.05.2022).

REFERENCES

Akishina, A.A. Etiketnye vyrazheniya v russkom yazyke: uchebnoe posobie dlya inostrannykh uchashchihsya / A.A. Akishina, N. I. Formanovskaya, T. E. Akishina. – Moskva: Russkij yazyk. Kursy, 2016. – 246 s.

Beloshapkova, V.A. Ravnornachny li razve i neuzheli? / V.A. Beloshapkova, E. B. Stepanova // Russkaya rech'. – 1983. – № 5. – S. 57–59.

Efremova, T.F. Novyj slovar' russkogo yazyka: tolkovo-slovoobrazovatel'nyj: svyshe 136 000 slovarnykh statej, okolo 250 000 semanticheskikh edinic. T. 1. A – O / T.F. Efremova. – Moskva: Russkij yazyk, 2000a. – 1210 s. – (Biblioteka slovarej russkogo yazyka).

Efremova, T.F. Novyj slovar' russkogo yazyka: tolkovo-slovoobrazovatel'nyj: svyshe 136 000 slovarnykh statej, okolo 250 000 semanticheskikh edinic. T. 2. P – YA / T.F. Efremova. – Moskva: Russkij yazyk, 2000. – 1084 s. – (Biblioteka slovarej russkogo yazyka).

Efremova, T.F. Tolkovyy slovar' sluzhebnykh chastej rechi russkogo yazyka: okolo 15 000 slovarnykh statej, okolo 22 000 semanticheskikh edinic / T.F. Efremova. – 2-e izd., ispr. – Moskva: Astrel': AST, 2004. – 815 s.

Formanovskaya, N.I. Rechevoj etiket. Russko-anglijskie sootvetstviya: Spravochnik. 2-e izd., ispr. / N. I. Formanovskaya, S.V. Shevcova. – Moskva: Vysshaya shkola, 1992. – 80 s.

Kakorina, E.V. Problemy fiksacii i leksikograficheskogo opisaniya kommunikativov (na materiale raboty nad «Tolkovym slovarem russkoj razgovornoj rechi» (TSRR)) / E. V. Kakorina // Trudy instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova. – 2019. – № 20. – S. 76–101. – URL: <https://www.ruslang.ru/doc/trudy/vol20/Kakorina.pdf> (Data obrashcheniya: 08.05.2022).

Kolokol'ceva, T.N. Specificheskie kommunikativnye ediniцы dialogicheskoy rechi / T.N. Kolokol'ceva. – Volgograd: Izd-vo Volgogradskogo gosuniversiteta, 2001. – 260 s.

Nacional'nyj korpus russkogo yazyka. – URL: <https://ruscorpora.ru> (Data obrashcheniya: 08.05.2022).

Ozhegov, S.I. Slovar' russkogo yazyka: 70000 / S.I. Ozhegov; pod red. N. Yu. Shvedovoj. – 21-e izd., pererab i dop. – Moskva: Russkij yazyk, 1989. – 924 s.

SHaronov, I.A. Kommunikativy v estestvennykh i v hudozhestvennykh dialogah / I. A. SHaronov // Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika. – 2017. – № 3. – S. 114–127. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_32331397_96229989.pdf (Data obrashcheniya: 08.05.2022).

SHmelyov, A. D. Russkie lingvospecifichnye leksicheskie edinicy v parallel'nyh korpusah: vozmozhnosti issledovaniya i «podvodnye kamni» / A.D. SHmelyov // Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoj mezhdunarodnoj konferencii «Dialog» (Moskva, 2730 maya 2015 g.): v 2 t. 2015. Vyp. 14 (21). T. 2. – S. 584–595. – URL: https://www.dialog-21.ru/media/2777/dialogue-2015_vol1.pdf (Data obrashcheniya: 08.05.2022).

Shpil'naya, N. N. Dialogicheskaya lingvistika v Rossii: istoriya stanovleniya i sovremennoe sostoyanie / N. N. SHpil'naya // Kul'tura i tekst. – 2021. – № 1. – S. 159–173. – URL: <https://journal-altspu.ru/wp-content/uploads/2021/02/159–173.pdf> (Data obrashcheniya: 08.05.2022).

Skorohodov, L. YU. Okno v Rossiyu: uchebnoe posobie po russkomu yazyku kak inostrannomu dlya prodvnutogo etapa. V 2 ch. CH. 2. – 5-e izd. / L. YU. Skorohodov, O. V. Horohordina. – Sankt-Peterburg: Zlatoust, 2017. – 264 s.

Velikij i moguchij: razve i neuzheli. – URL: <https://yablor.ru/blogs/velikiy-i-moguchiy-razve-i-neujeli/5387975> (Data obrashcheniya: 08.05.2022).